

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б79

Shalini Boland
THE CHILD NEXT DOOR

Copyright © Shalini Boland, 2019

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете и форзаце
Филитта Барбышева

Боланд, Шалини.
Б79 Соседский ребенок / Шалини Боланд ; [перевод с английского М. Л. Павлычевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Национальный бестселлер Британии).

ISBN 978-5-04-106150-0

Я слышала плач младенца.

Слышала, как кто-то пришел и украл соседского ребенка. Дитя, о котором никто не знает. Которого просто не может быть — ведь в нашем переулке нет новорожденных, кроме моей дочери...

Чей же это ребенок? И почему родители не паникуют?

Тихий уголок, где мы живем, оказывается, полон лжи и угроз. А это значит, что и моя шестимесячная малышка в опасности. Вдруг заберут и ее?! Но никто мне не верит. Все, даже самые близкие, считают, что у меня просто до предела расстроены нервы. Может, они правы — и я на грани? Как бы там ни было, мне нужно уберечь дочку. Любой ценой...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Павлычева М.Л.,
перевод на русский язык. 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106150-0

*Посвящается моим малышам,
которые растут слишком быстро.
Я горжусь вами. Целую и люблю.*

ГЛАВА 1 ■

Я просыпаюсь от детского плача.

Втягиваю в себя воздух и, широко распахнув глаза, смотрю по сторонам и пытаюсь понять, где я. Лежу на диване, из-за неудобного положения у меня затекли ноги. Наверное, заснула. Этот плач. Неужели... Нет, все в порядке, поводов для паники нет. Должно быть, все дело в той шведской криминальной драме, что я как бы смотрела, — в последнее время мне не удастся смотреть даже свои любимые передачи, постоянно засыпаю.

Вытягиваю ноги, ставлю видео на паузу и прислушиваюсь — а вдруг плач в телевизоре. За окном небо приобретает цвет кровоподтека, над дорогой, подковой огибающей наш «анклав» из шести домов, разливается пурпурное зарево. По мере того как небо темнеет, все вокруг погружается в спокойствие.

Новый звук заставляет меня затаить дыхание. Он точно не из телевизора... Вот опять — на этот раз ошибиться невозможно: это детское хныканье из радионяни. Моя маленькая дочка, Дейзи, часто так плачет, короткими вскриками. Если поднимусь к ней в комнату, она быстро заснет. Пытаюсь успокоиться, с улыбкой представляя ее пухлые щечки и крохотные кулачки, поднятые к голове, как у миниатюрного боксера. Мысленно считаю до десяти, жду еще мгновение и с облег-

чением выдыхаю в продолжительную тишину. Подтягиваю под себя ноги и нажимаю на пульте кнопку перемотки.

Дейзи уже шесть месяцев, и мы на прошлой неделе переселили ее в отдельную комнату. Но мне не нравится, что она так далеко от нас. Было гораздо комфортнее, когда она находилась рядом, да и с ночными кормлениями было проще. А теперь, когда дочь спит в своей комнате, я вынуждена вылезать из кровати и идти к ней, когда она плачет. Раньше же достаточно было взять ее к себе в кровать. Мы переселили ее главным образом ради Доминика. У мужа очень чуткий сон, и он просыпается от малейшего движения малышки, не говоря уже о плаче и сопении. Еще он занимается триатлоном, так что хороший ночной сон для него важен. Вот и сейчас у него вечерняя тренировка. Не представляю, как он может бегать в такую дикую жару, когда воздух напоминает густую патуку.

Я хмурюсь, когда раздается еще один крик, на этот раз более громкий. Вздохнув, ставлю видео на паузу, обхватываю ладонью конический корпус радионяни из белого пластика и жду. Хочу понять, проснулась она или нет.

Неожиданно в радионяне раздается череда статических разрядов, как в старом радиоприемнике, на передней панели начинают мигать красные лампочки. Я жалею, что мы не купили супернавороченную радионяню с монитором, термометром, ночным видением и прочими прибабасами, но с деньгами у нас сейчас туго. Мама купила нам бэушный комплект на гаражной распродаже: он примитивный, только звук и световые сигналы, но это лучше, чем ничего.

Шум в радионяне прекращается, лампочки перестают мигать, и из динамика я слышу совсем другой звук.

Не плач, а кашель. Причем не детский кашель. А взрослый. Кашель взрослого мужчины.

Что?

Нет!

От страха у меня скручивает желудок. Верхнюю губу покрывает испарина, по спине бегут мурашки. Сердце бухает в ушах — бух, бух, бух. Тут наверняка какая-то ошибка. Не может быть... но там... а это что? Шепот. А потом мужской голос приглушенно, но абсолютно отчетливо произносит:

— Давай быстрее, просто бери ребенка и уходи.

От ужаса я леденею и впадаю в ступор. В моем доме кто-то есть.

Дейзи! Кто-то хочет украсть Дейзи!

Мои ноги словно из бетона, но я должна идти. Я должна помешать тому, кто пытается украсть моего ребенка. Соскакиваю с дивана, в моем горле уже формируется вопль, но я останавливаю его, плотно сжимая губы.

Действуя без какого-либо плана, бегу наверх, но мое сознание уже там, наверху. Уже представляю, как закричу, когда не увижу в кровати свою дочку. Уже чувствую свой гнев и душевную боль. Даже вижу, как по телевизору показывают нашу пресс-конференцию — Доминик держится стоически, я в слезах. Уже представляю, как заканчивается моя прежняя жизнь. Всего этого допустить нельзя...

Мои голые ступни стучат по застланным ковром ступеням, я приказываю себе забыть о том, что я невысокая, хрупкая тридцатипятилетняя женщина в хлопчатобумажном сарафане, что не обладаю навыками самообороны и что у меня нет оружия, с которым можно было бы противостоять опасному злоумышленнику. Я готова на все. Не от-

дам им своего ребенка! Им придется сначала убить меня.

В моей голове крутятся страшные мысли: похитители, детское рабство, противозаконное усыновление, извращенцы... Может, стоило бы сразу позвонить в полицию, но нет времени, и вообще, уже поздно. Подхожу к комнате Дейзи, готовая разорвать на куски любого, кто там окажется. Готовая остановить любого, кто попытается похитить моего ребенка. Учащенно дыша, как охваченный ужасом зверь, распахиваю дверь. Я боюсь не злоумышленников. Боюсь того, что они могут причинить вред моей доченьке. Что они могут забрать ее. Что я уже опоздала спасти ее.

Приготовившись к атаке, оглядываю помещение.

В комнате никого нет. Пусто.

С громким всхлипом я подбегаю к белой кровати. Мое сердце едва не выпрыгивает из груди. Она на месте. Моя малышка спокойно спит. Я бросаю радионяню на кровать и, подхватив Дейзи на руки, принимаюсь дрожащими пальцами гладить ее по головке, осыпать ее нежный лобик поцелуями и вдыхать ее запах. Все это помогает мне успокоиться. Смотрю на окно. Фиолетовый закат отбрасывает тени на задернутые шторы. Раздвигаю их и выглядываю в открытое окно, уверенная в том, что сейчас увижу, как через сад или детскую площадку на полях за домом убегают двое. Но там никого нет, удушливый августовский вечер спокойно движется к ночи. Вокруг тихо, если не считать шелест ветра в деревьях и отдаленный звук работающего двигателя в какой-то машине. Когда со скрипом и глухим стуком захлопываю обе створки окна, замечаю, что у задней калитки трава, как ковром, усыпана яблоками, которые сбил ветер.

Смотрю на личико Дейзи и убеждаю себя, что с ней все в порядке, что она в безопасности. Мое сердце замедляет биение, из тела постепенно уходит жар, дыхание выравнивается. Может, я выдумала тот голос в радионяне? Нет. Совершенно ясно слышала его. Ошеломленная новой волной ужаса, я заглядываю за дверь комнаты, затем распахиваю дверцы шкафа.

Там никого нет.

И тут я снова слышу похожий на писк детский плач. Плач моего ребенка. Но ведь она у меня на руках, спокойно спит. Звук доносится из радионяни, которую я бросила в кроватку. То есть приемник передает звуки не моего ребенка. Соображаю, что, должно быть, плачет другой ребенок. Наверное, мой родительский блок поймал сигнал чужого детского блока.

И снова слышу голоса — приглушенный, иступленный шепот, прерываемый статическими разрядами. Может, сигнал идет из дома соседей? Быстро перебираю в уме всех обитателей остальных пяти домов нашего «анклава». Насколько мне известно, младенцев среди них нет. Я бы знала. Хотя не исключено, что к кому-то из моих соседей приехали гости. А это означает, что какому-то ребенку грозит опасность. У меня снова дико забилося сердце. Надо предупредить соседей.

Прижимая к себе Дейзи, я наслаждаюсь тяжестью ее теплого тельца у своей груди. Она спит, не подозревая о разыгрывающейся рядом драме, невосприимчивая к стуку моего сердца. Наклоняюсь и беру из кроватки радионяню. Сейчас в ней ни звука. Выворачиваю громкость на максимум, но ничего не происходит, из приемника не доносятся ни шумы, ни голоса, ни плач. Неужели я опоздала спасти того ребенка?

С Дейзи на руках бегу вниз и хватаю лежащий на подлокотнике дивана телефон. Большим пальцем быстро набираю три девятки, а потом выскакиваю на крыльцо и оглядываюсь по сторонам. Все вроде бы выглядит таким же, как всегда: парадные двери закрыты, знакомые машины припаркованы на площадках перед домами, никаких чужих машин нет. Гудки в моей трубке резко обрываются. Женский голос:

— Здравствуйте, вы позвонили в службу спасения. С какой службой вас соединить? Пожарная охрана, полиция, скорая медицинская помощь?

— С полицией, — говорю я и слышу в собственном голосе истерические нотки. — Пожалуйста, поскорее.

— Соединяю.

В трубке звучит мужской голос. Спокойный и уверенный.

— Здравствуйте, назовите, пожалуйста, ваши имя и фамилию.

— Кирсти Ролингз.

— Откуда вы звоните, Кирсти?

— Магнолия-Клоуз, дом четыре, — выпаливаю я. Повторяю адрес на тот случай, если он сразу не слышал: — Дом четыре. Магнолия-Клоуз. Уимборн. Дорсет.

— Что у вас случилось? — спрашивает он.

— Какие-то злоумышленники пытаются похитить ребенка.

— Злоумышленники сейчас в вашем доме?

— Нет, не в моем. Они в каком-то другом доме. Где-то по соседству.

— По какому адресу?

— Не знаю. Я услышала их через радионяню. Не знаю, где они, но они сказали, что собираются забрать ребенка. Возможно, они похищают его прямо сейчас.

— Прошу вас, сохраняйте спокойствие. Мы вышлем кого-нибудь на ваш адрес. К вам приедут через несколько минут.

— Хорошо, пожалуйста, поторопитесь. — Я зажимаюсь, моля о том, чтобы они успели вовремя. Мне невыносима мысль о том, что будет с ребенком, если они не успеют.

ГЛАВА 2 ■

Я не могу успокоиться. Вместо того чтобы ходить взад-вперед, грызть ногти и ждать полицию, с Дейзи на руках выхожу на автомобильную площадку перед домом, намереваясь постучаться к своим соседям. Мне надо действовать. Я жалею, что нет возможности позвонить Доминику и рассказать ему обо всем. И попросить его побыстрее вернуться домой. Но он никогда не берет на пробежку телефон. Господи, пусть он поскорее вернется!

Несмотря на опустившуюся ночь, все еще жарко. Обычно в Британии такого лета не бывает — с тяжелой, влажной жарой, которая висит в воздухе после заката. Я решаю первым делом пойти к соседнему дому. Но прежде чем я ступаю на тротуар, в наш «анклав» въезжает полицейская машина.

Я поднимаю свободную руку и машу им. Дейзи уже проснулась и тарашится на меня. Ее взгляд прикован к моему лицу. Пока что она ведет себя спокойно. Ей нравится у меня на руках. Машина останавливается перед автомобильной площадкой, и оттуда вылезают два офицера в форме. Я иду им навстречу.

— Кирсти Ролингз? — с мягким дорсетским говором спрашивает тот, что повыше. На его губах по-

является снисходительная улыбка, когда он видит Дейзи.

— Да, — нервно отвечаю я.

— Мы можем пройти в дом? — спрашивает он. — Мы хотим поговорить о том, что вы слышали.

— Вы могли бы сначала проверить соседей? — говорю я. — Узнать, не пропадали ли у них дети.

— Мы предпочли бы сначала услышать от вас, что произошло. — Офицер указывает рукой на мою дверь. Он хочет, чтобы я пошла вверх по площадке, к дому, но я не могу допустить, чтобы они зря теряли время. Пока мы будем разговаривать, похитители, возможно, уже скроются через заднюю дверь какого-то дома.

— Разве диспетчер вам не сказал? — Я словно приросла к площадке. — Я слышала в радионяне голоса, там говорили, что хотят забрать ребенка.

— Чьего ребенка?

— В том-то и дело, что я не знаю. Прошу вас. Нам нужно поговорить с соседями. Проверить, не приехал ли к ним кто-нибудь с детьми.

— Что говорили голоса? — спросил другой офицер. — Вы запомнили?

— Что-то вроде «давай быстрее, забирай ребенка».

— Голос был мужским или женским?

— Мужским. Точно мужским.

— Мы можем взглянуть на приемник? — спросил высокий.

Я вздыхаю и иду к дому, офицеры следуют за мной. Вижу, что они никуда не спешат. Но ведь им следовало бы обыскать окрестности! Ведь все утверждают, что при пропаже ребенка жизненно важными являются первые несколько минут. А эта парочка просто теряет драгоценное время, упускает возможность спасти ребенка. От этой мысли я холодею. А что, если бы похи-

тители пришли в мой дом, а не в соседский? Ведь окно Дейзи было открыто весь вечер, они могли бы запросто забраться в комнату и забрать ее. От этой мысли у меня кружится голова. Я останавливаюсь и перевожу дух. В воздухе пахнет соседской жимолостью. Запах назойливый и сильный. И слишком сладкий.

— Вы в порядке? — спрашивает один из них, кладя руку мне на плечо.

— Нужно спешить, — говорю я, собираясь с силами и продолжая свой путь.

Мы входим в дом. Радионяня лежит на диване, где я ее и оставила, но она молчит.

— Значит, этот приемник соединен с передатчиком в вашей детской? — спрашивает тот, что пониже, берет радионяню и подносит к уху. Потом он встряхивает ее и поворачивает регулятор громкости.

— Да. Я слышала мужской голос, который говорил кому-то, что нужно забрать ребенка. Сначала подумала, что они в комнате Дейзи и пытаются похитить ее. Побегала наверх, но там никого не было. Потом опять услышала голоса. Наверное, приемник перехватил сигнал от чужого детского блока. Но я не знаю, где он. Ни у кого их моих соседей нет маленьких детей.

Офицеры переглядываются, и высокий откашливается.

— Ясно, значит, мы сейчас будем стучаться во все двери и проверять, у кого есть детский блок, сигнал от которого каким-то образом перехватила ваша радионяня.

— Спасибо, — с облегчением говорю я, радуясь тому, что они наконец-то начнут действовать. — Хотите, я пойду с вами и помогу? Это сэкономит вам время. Я знаю всех соседей, поэтому я могла бы...